

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Л.И. ГЛУХАРЕВА

Права человека в обыденном сознании россиян

Многие приметы российской жизни свидетельствуют о том, что права человека приняты обществом, хотя и “пришли” к нам с Запада. Так, апелляция к правам человека становится распространенной формой социального протеста в конфликтах граждан с государством и его представителями (например, акции собственников частных домов, владельцев праворульных автомобилей, участников жилищного строительства, пенсионеров, которых коснулась монетизация льгот, и др.). Очевиден устойчивый рост обращений граждан в Конституционный суд РФ, суды общей и арбитражной юрисдикции. Россияне выигрывают дела против своего государства в Европейском суде по правам человека в Страсбурге. Однако заметно и другое: по сравнению с западными стандартами в России формируется своеобразное понимание прав человека, расставляются специфические акценты в содержании, гарантиях, средствах, способах и т.д. защиты прав. Этому есть свои объяснения. В частности, среди причин, определяющих сознание россиян и, соответственно, влияющих на представления о том, что есть права человека, действует ряд исторических факторов: традиционно многонациональный состав населения; византийские корни отечественной культуры; более чем двухсотлетнее татарское иго, с одной стороны, и век вестернизации – с другой; коллективные формы общежития (трудовая этика взаимопомощи, традиции общинного самоуправления); ориентация на власть и недостаточное отделение личности от государства (чинопочитание, управляемость, патернализм); неразвитость личностного начала, дефицит самостоятельности и независимости индивида; несформированность гражданского общества и, соответственно, слабость инициатив снизу; бюрократический деспотизм, административно-распорядительный, а не правовой способ управления обществом со стороны государства; понимание закона как любого приказа власти, а права – как привилегии; приоритет моральных ценностей над правовыми (справедливости над законом); неостребованность правовых норм как регуляторов общественных отношений, распространенный правовой нигилизм, и т.п. К этому следует добавить и обстоятельства недавнего прошлого – “появления вдруг” (в 80-х гг. XX в.) понятия “права человека”; до этого же социалистическая идеология и советские конституции провозглашали лишь “права гражданина”, а “буржуазные права человека” подвергались нелицеприятной критике.

Наряду с этим в конце XX столетия изменившиеся экономические и социально-политические ориентиры внесли существенные коррективы в сознание россиян.

Глухарева Людмила Ивановна – доктор юридических наук, профессор кафедры гуманитарного права юридического факультета Российского государственного гуманитарного университета.

В результате сохраняющиеся старые идеологемы и появившиеся новые ценностные приоритеты дают основание констатировать социокультурный и социально-психологический раскол в общественном сознании населения России¹. В нем явно отражаются как традиционные (патриотизм, державность, коллективизм), так и советские (интернационализм, приоритет общенародных и государственных интересов, надежда на государство и государственные гарантии защиты) и, кроме того, западные постиндустриальные (индивидуализм, ставка на собственные силы, опора на семью, приватность, инновационность, гуманизм) ценности. Таким образом, современное массовое сознание россиян можно назвать смешанным, что сказывается на формирующемся в социокультурном пространстве Российской Федерации образе прав человека. Исследования демонстрируют следующие наиболее значимые особенности представлений рядовых россиян о правах человека сегодня:

- для них нехарактерно осмысление своих жизненных проблем в терминах прав человека или их нарушений;

- идея прав человека развивается в нашей стране в русле реакции на нарушение закона, поэтому защита прав человека и борьба с нарушениями закона (законности) практически не разделяются; отсюда нет и понимания различий между субъективными правами и правами человека;

- внимание к правам человека возникает и актуализируется, как правило, в ситуации резкого конфликта, когда людей к чему-то обязывают, и тогда они требуют и соответствующих прав; иначе говоря, в России права воспринимаются как следствие обязанностей;

- привычка к вековым патерналистским отношениям привела к тому, что россияне под своими правами понимают обязанности государства, которое оно (государство, прежде всего государственные чиновники) должно им “преподнести”; в результате отсутствует практика консолидированного завоевания прав человека, нет уверенности в том, что совместными действиями можно отстоять (завоевать) свои права;

- россияне не имеют четкого представления о том, что значит соблюдение, обеспечение, действенность режима прав человека; так, меры, предпринимаемые для борьбы с терроризмом, коррупцией, преступностью и т.п., чаще всего воспринимаются как взаимоисключающие, ограничивающие и даже нарушающие права человека;

- социально-экономические права принимаются широкими слоями населения как более значимые (приоритетные) по сравнению с гражданскими и политическими правами (см. [Гордон, 1997]); неочевидно и желание россиян “жить, как на Западе”; говорить о запросе на права человека в универсальных формулировках ООН для России пока преждевременно;

- неотрефлексировано и соотношение прав с государственно-патриотическими идеями, религиозными убеждениями, национальными чувствами россиян.

Эти и многие другие показатели массового сознания граждан Российской Федерации в области восприятия прав человека имеют свои причины. Так, за последние десятилетия в общественных отношениях наметилась явная тенденция к индивидуализации личности (см. [Дилигенский, 1997]). Две трети граждан, опрошенных Институтом социологии РАН в процессе исследований, проводившихся в течение ряда лет, указали, что личные интересы они ставят выше общественных [Золота... 2007]. А 68% считают, что права и свободы личности нельзя ограничивать даже ради общего блага. Две трети молодых людей полагают, что лучше выделяться среди других и

¹ А. Андреев по результатам ряда исследований Института социологии РАН отмечает: “Перед нами две России: одна – коллективная, ставящая перед собой различные общие цели, другая сосредоточена на индивидуальном выживании... выбирая между равенством возможностей и равенством доходов, 50% опрошенных предпочли первое, за равенство же доходов ратуют многие пожилые и малообразованные люди из глубинки... в последние 10–15 лет российское общество, хотя и сохранило основы коллективистского национального менталитета, но сейчас в жизнь входит новое поколение с несколько иными представлениями о жизненном успехе” (Российская газета, 2008, 5 марта). Другие исследования также подтверждают сделанные выводы (см., например, web-сайты ВЦИОМ, Левада-Центра, Института социологии РАН и др.).

быть яркой индивидуальностью, чем “жить как все” [Молодежь...]. Индивидуализм, конкуренция, самостоятельность – все эти слова звучат теперь для молодых людей весьма привлекательно. С точки зрения идеи прав человека, которая требует внимания к отдельному индивиду, его жизни, способностям, интересам, а также из-за традиционно пренебрежительного и потребительского отношения российского государства к отдельной личности – это положительный момент для нашей страны.

Однако по сравнению с недавним прошлым отказ от коллективистской идеологии, от ценностей солидарности, которые, как известно, поддерживают стабильность государства, консолидируют гражданское общество, нарастание индивидуализма не может не беспокоить. Исторически этика коллективизма в особой форме – соборности (объединения людей в общегитии и душ в вере) создала в России общество взаимопомощи, где не поощрялись индивидуалистические наклонности, а защита общих интересов осуществлялась зачастую в ущерб даже объективно необходимым личным потребностям. Поэтому в российском сознании всегда была ярче выражена идея социального равенства по сравнению со свободой. Правда, еще в дореволюционный период препятствием для созидательного коллективизма, развивающегося “снизу”, на уровне “большого общества” стало государство, “подмявшее” под себя многие направления естественной коллективистской самоорганизации. Эти тенденции получили дальнейшее развитие в советское время. В результате коллективистские ценности подверглись принципиальным изменениям, снизился потенциал гражданской активности и самоорганизации, в личной жизни стимулировались социальная пассивность и конформизм. С переходом к рыночным отношениям в России эти черты (хотя и по ряду других причин) еще более обострились.

Тем не менее очевидно, что права человека органично связаны с коллективистскими ценностями, принципиально коллективистскими ценностями. Права человека объединяют, способствуют установлению правил для саморегулирования общества, формируют способ общения на основе уважения каждого отдельного члена социума, развивают привычку к внимательным, бережным отношениям, толерантности, взаимопомощи. Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., показавший всю значимость и необходимость защиты прав человека (прежде всего, социально-экономических прав), и социальная политика российского государства, проводимая для смягчения его последствий, – яркое подтверждение коллективистских начал в правах человека. Поэтому было бы целесообразно удерживать и развивать российскую национальную модель прав человека в рамках и направлении солидарного индивидуализма, оптимального, как думается, для социокультурных условий страны. На это ориентировали и отечественные ученые еще на рубеже XIX–XX вв. Так, Е. Трубецкой писал, что “отдельному лицу должен быть предоставлен максимум внешней свободы, совместной с благом общества как целого” [Трубецкой, 1909, с. 62].

Следует заметить, что россиянам свойственно широкое понимание прав человека, они не видят принципиальной разницы между правами человека и иными субъективными правами, не выделяют права человека из совокупности всевозможных прав личности. В массовом сознании распространено представление, что права человека – только то, что устанавливает и разрешает закон. При этом предполагается, что индивид защищен не только от произвола и несправедливости государственных чиновников и иных субъектов – носителей власти, но и от частных лиц – людей более богатых и могущественных.

Понятно, почему зарубежные эксперты с удивлением отмечают достаточно широкий спектр организаций в Российской Федерации, называющих себя правозащитными (направленность их деятельности гораздо шире, чем в других государствах мира)². А представители правозащитных организаций заявляют, что к ним обращаются люди за помощью в защите таких прав и интересов, которые прямого отношения к правам

²Этот момент был специально подчеркнут в интервью руководителя (1997–2002 гг.) Московского представительства Фонда Форда М. Маколи [Маколи, 2003, с. 35].

человека не имеют (к примеру, за содействием во взыскании долга с должников, для участия в обмене некачественных товаров, в получении кредита и т.д.)³. Для большинства правозащитных организаций основная часть работы, как они сами отмечают, – это борьба с “обычными нарушениями законности” [Российский... 2005, с. 116]. Доля же прав человека в целом составляет не более 10%, а остальное – исключительно борьба за соблюдение закона. “И это единственное, – подчеркивают правозащитники, – что можно делать для того, чтобы когда-нибудь на этой основе сформировался в стране запрос на права человека” [Российский... 2005, с. 111].

Судя по научным публикациям (особенно отраслевого характера), защита прав человека и борьба с нарушениями законности не слишком разграничиваются в сознании не только обывателей, но и специалистов. Известно, что право как нормы-регуляторы поведения особым престижем в России никогда не пользовалось и как самостоятельная ценность не воспринималось. Такое отношение к праву сложилось под влиянием широко распространенной практики невозможности (редкой возможности) добиться успеха даже при соблюдении законов, общего ощущения неправового характера связи общества и личности с государством. В условиях требований соблюдать закон при заведомой невозможности защитить законные права законными же методами рождается правовой нигилизм и правовое “двоемыслие”. Вносить же идеи прав человека в общественное сознание, которое никогда прежде не воспринимало правовые регуляторы как ценность, – задача весьма непростая и, конечно, долгосрочная. И начинать надо, как совершенно обоснованно считают многие специалисты, с образования в области прав человека, а также формирования и внедрения в повседневность образцов правового поведения. Таких образцов россияне ждут прежде всего от представителей государства, чиновников⁴, которые пока, к сожалению, демонстрируют примеры прямо противоположного характера.

Среди прав, субъективно наиболее востребованных россиянами, выделяются права на личную безопасность и защиту имущества, а также трудовые права [Российский... 2005, с. 112, 118]. О фактах же безразличного отношения (даже апатии) к политическим и некоторым гражданским правам и свободам свидетельствуют многие социологические исследования. Так, граждане заявляют: “Как я могу быть свободным, если я нищий”; 57% респондентов не верят, что совместные действия в защиту общих интересов могут дать результаты и быть эффективными [Золотая... 2007], а 42% уверены, что с помощью акций протеста ни одной из проблем не решить [Исследования... 2007]. Усугубляет положение воспитанная патернализмом готовность “идти на поклон” и “найти правду”, которая ориентирует население страны не на использование официально установленных механизмов защиты прав (в том числе и методов гражданского публичного давления), а на неформальное заступничество, упование на действенность “позвоночного” права, помощь влиятельных лиц. Граждане склонны решать проблемы внеправовыми способами ввиду их большей практической эффективности. Они заявляют: “Мне так проще, мне так дешевле, я и не думал делать по правилам” [Российский... 2005, с. 128]. Самостоятельная же ценность гражданских прав и свобод в России осознается, главным образом, представителями либеральной интеллигенции и правозащитниками [Российская...].

Вместе с тем большинству россиян идеалы политических прав и демократии во все не чужды. Более 50% граждан считают, что люди имеют право бороться за свои права, даже если это идет вразрез с интересами государства, и еще 13% убеждены, что права отдельного человека должны ставиться выше, чем интересы государства

³ Примерно 40% обращений касаются конфликтов с частными лицами, 20% – жалобы на негосударственные организации и их руководителей (в основном, трудовые и потребительские споры) и 40% – претензии к государственным и муниципальным органам или чиновникам, при этом из последней части около половины касаются произвола властей, остальные связаны с мнимыми или явными ошибками должностных лиц [Аверкиев, 2003].

⁴ Население убеждено, что если представители власти будут соблюдать законы, то этому примеру последуют и граждане. Так считают 50,2% опрошенных [Российский... 2005, с. 116].

[Социологические... 2007]. От государства люди ждут прежде всего уважения своей личности и учета своих интересов (чего на практике, к сожалению, пока не наблюдается). Россияне признают ценность политических прав и демократии, но все-таки не рассматривают их как предмет первой необходимости [Российская...].

В массовом сознании укрепилось и понимание своего права как обязанности государства. Поскольку права человека “вводились” в жизнь россиян решением государственных властей (в очередной раз “реформы сверху”), то следствием и продолжением такой политики стал очередной рост иждивенческих настроений. Права понимаются как блага, привилегии и дозволения, льготы и послабления, и получать их следует в обязательном порядке от государства. Поэтому нет ничего странного в том, что права человека ассоциируются в России главным образом с социальными обязательствами государства и отождествляются с социально-экономическими правами (это мнение подкрепляется неблагоприятным материальным положением абсолютного большинства населения). Благодаря “дарованным” правам, россияне привычно ждут помощи, заботы и защиты со стороны государства. Сложилась парадоксальная ситуация: среди населения бытует мнение, что реализация и защита прав человека – сфера действия и обязанность исключительно чиновников, а не самих граждан. Права стойко ассоциируются с обязанностями государства по их обеспечению, что свидетельствует о подчеркнуто пассивном характере обыденного сознания (“я имею право, и мне обязаны его обеспечить”). Обращение к государству за реализацией своих прав – это тоже своеобразное отражение коллективистских моментов сознания россиян.

Специфическое отношение к правам человека имеет место и на государственном уровне среди представителей власти и служащих государственного аппарата Российской Федерации. Возвеличивание роли государства и одновременно традиционно пренебрежительное отношение к человеку (“просителю”), бюрократический произвол, с одной стороны, а с другой – постоянная забота о поддержании высокого авторитета страны на международной арене переводят в сознании чиновников проблему понимания прав человека в русло международной политики и дипломатической целесообразности. Права человека для государственных чинов означают выполнение Россией своих международных обязательств, а не собственно обеспечение и защиту прав рядового гражданина. Уполномоченный по правам человека В. Лукин по этому поводу высказался весьма тонко: “...опыт нашего развития наглядно продемонстрировал, что Россия значительно более успешно становится международно-правовым государством, чем просто правовым” [Лукин, 2001, с. 54].

Нельзя не учитывать и того, что большинство населения России – русские⁵. Поэтому в стране, относящейся к ареалу православной культуры, не может не быть соответствующего восприятия прав человека. Православие же ориентирует человека на духовное преобразование, уделяет внимание не столько защите материальных притязаний (рассматривая земные блага как относительные, хотя и не отвергает их), сколько развитию личности и ее духовного мира, отдает предпочтение правам, за которыми стоят духовные, а не материальные интересы. Двум основным ценностям прав человека – свободе и человеческому достоинству – оно отводит соподчиненные места, утверждая, что свобода нужна для обеспечения достоинства личности, но не наоборот⁶. Поэтому главной целью прав человека православие полагает позитивное развитие общественных отношений и воспитание личности, что во много раз усложняет понимание и решение задач правочеловеческой поддержки в рамках российской духовно-культурной традиции.

⁵ По переписи населения 2002 г. русские составляют 80% жителей страны (Всероссийская перепись населения 2002 г. Сводные итоги. Раздел 4. Национальный состав. Гражданство населения. Публикационная таблица “Национальный состав населения” (http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_14_24.htm).

⁶ См.: Декларация о правах и достоинстве X Всемирного Русского Народного Собора от 6 июня 2006 г. (<http://www.patriarchia.ru/db/text/103235.html>); Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека, приняты Архиерейским Собором Русской Православной Церкви от 26 июня 2008 г. (<http://www.sobor2008.ru/428616/index.htm>).

В этом ключе этико-центричный тип российского сознания, его акцент на смысловые начала бытия, оценивает, в отличие от прагматичного западного, человеческие права в контексте высшего предназначения человека. Зарождение и развитие российского сознания протекают главным образом путем непосредственного проникновения в суть и смысл жизни, а не через усвоение некой рациональной схемы поведения и внешнего приказа [Синюков, 1994, с. 223]. А. Панарин отмечал: “В России личностный вклад в тот или иной вид деятельности бывает либо больше того, что функционально запрограммировано, если личность ценностно ангажирована, либо несравненно меньше требуемого, если она индифферентна по отношению к сверхзадачам” [Панарин, 1996, с. 181]. Русская духовная традиция наделяет права человека в ценностном плане бóльшим статусом и придает им много большее влияние на повседневность, чем западная, уповающая на каждодневно изменяющиеся интересы. Например, кинорежиссер А. Симонов характеризует права как “часть нашей жизни, как дождь или снег”, полагая, что “права – это не восемь статей в Конституции плюс девятнадцать – во Всеобщей декларации прав человека. Это нечто гораздо большее, пронизывающее всю нашу жизнь” (Российская газета, 2003, 16 декабря).

Если подходить к трактовке прав человека с таких позиций, то можно утверждать, что российское общество ставит перед правами человека очень высокие интеллектуальные и духовно-нравственные сверхзадачи. Они воспринимаются не только и не столько в качестве юридического инструмента защиты индивидуальных притязаний, но и как гуманистическая программа реализации идеалов, формирования личности, ее духовно-нравственного и гражданского сознания.

На первый взгляд, отмеченные особенности свидетельствуют о серьезных различиях российского социокультурного и международного (в смысле западного) понимания смысла и целей прав человека. Однако между ними есть и немало общих свойств, еще более заметных при сравнении с ценностями иных (незападных) культур. Среди них прежде всего выделяются: установка на принцип личности (а не группового человека, как на Востоке); тенденция к индивидуализации (а не сохранение коллективного образа жизни); стремление к свободе и равноправию в общественных отношениях (а не к гармонии и единству); ориентир на демократию (а не на клиентские и иерархические связи); светский и отражающий социальный плюрализм характер прав (в противовес дарованным и сакральным по происхождению правам в понимании незападных культур); гуманистическая (а не теоцентрическая) мировоззренческая ориентированность прав; взаимосвязь прав и обязанностей (а не примат обязанностей и долга перед правами); приоритет законодательного (а не этического, религиозного либо обычного) регулирования общественных отношений; интенсивное развитие юридических механизмов защиты прав; ощущение россиянами (русскими) себя европейцами и т.д.

Расхожее мнение о том, что между Россией и Европой растет “ценностная пропасть”, научные исследования не подтверждают [Российская...]. Конечно, наше национальное сознание в области прав человека весьма противоречиво и по многим параметрам неотрефлектировано. И все же результаты изучения говорят если не о стремлении, то о склонности к сближению России и Европы на пути прав человека. Европейский путь развития, включающий права человека, без особого внутреннего сопротивления вполне способен принять практически все группы российского общества. Поэтому можно надеяться, что при сохранении настоящей динамики в экономике, политике и социальных отношениях образ прав человека в России будет развиваться в направлении, общем по базовым показателям с западным видением этого феномена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверкиев И.* Зачем человеку права человека // *Civitas*. 2003. № 1.
Гордон А.А. Социально-экономические права человека: содержание, особенности, значение для России // *Общественные науки и современность*. 1997. № 3.
Дилигенский Г.Г. Российские архетипы и современность // *Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии*. М., 1997.

Золотая середина. Портрет российского среднего класса (<http://www.rg.ru/2007/01/24/sots-portret.html>).

Исследования Левада-Центра // Российская газета. 2007. 26 января.

Лукин В.П. Право и обязанность гуманитарного вмешательства: кум единство, пока горячо // Российский бюллетень по правам человека. 2001. Вып. 15.

Маколи М. Идея прав человека в мире и в России // Civitas. 2003. № 1.

Молодежь новой России: ценностные приоритеты. Аналитический доклад Института социологии РАН, подготовленный в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Фридриха Эберта в Российской Федерации (http://www.isras.ru/analytical_report_Youth.html).

Панарин А.С. О возможностях отечественной культуры // Новый мир. 1996. № 9.

Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад Института социологии РАН, подготовленный в сотрудничестве с Представительством фонда им. Фридриха Эберта в Российской Федерации (http://www.isras.ru/analytical_report_Ident.html).

Российский бюллетень по правам человека. 2005. № 20.

Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. Саратов, 1994.

Социологические исследования Левада-Центра // Российская газета. 2007. 26 января.

Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1909.

© Л. Глухарева, 2010